

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI: 10.31857/S086919080005960-3

США – КИТАЙ: АНАТОМИЯ ТОРГОВОГО КОНФЛИКТА

© 2019

А. И. САЛИЦКИЙ^{а)}, Н. К. СЕМЕНОВА^{б)}

^{а)} Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН, Москва, Россия; ORCID ID: 0000-0001-6134-768X; eLibrary SPIN-код: 2754-2991, sal.55@mail.ru

^{б)} Институт востоковедения РАН, Москва, Россия; ORCID ID: 0000-0001-7872-8972; eLibrary SPIN-код: 1136-3359; semenovanelli-2011@mail.ru

Резюме: В 2017–2018 гг. США инициировали торговый конфликт с Китаем, который по своему размаху является беспрецедентным событием в истории международной торговли, по крайней мере, с момента образования ВТО. Не случайно в мировых СМИ этот конфликт был обозначен как «торговая война» и дал повод для многочисленных публикаций, касающихся американо-китайских отношений и их воздействия на мировую экономику и политику. Дополнительный драматизм этим публикациям задавала неполная ясность целей администрации Д. Трампа в конфронтации с Китаем, непоследовательность отдельных шагов Вашингтона. Основными вопросами, вызывающими озабоченность США, оставались: серьезные проблемы с обеспечением в Китае прав интеллектуальной собственности, включая коммерческую тайну; проведение всеобъемлющей промышленной политики, благоприятствующей государственным предприятиям и «национальным чемпионам», включая политику «безопасности и контроля» в отношении информационно-коммуникационного сектора; ограничения экспорта, субсидирование, уникальные национальные стандарты и инвестиционные ограничения; вызывающая беспокойство аграрная политика, блокирующая для США доступ на китайский рынок, отсутствие прозрачности в действиях КНР.

Более предсказуемой выглядела политика Пекина, хотя и она, естественно, содержала неопределенности. Ответные меры Пекина на протекционизм американской администрации вызвали массовое одобрение населения, достаточно однозначной была и реакция китайских предпринимателей.

Торговый конфликт отражает глубинные противоречия между сторонами по поводу выхода Китая на лидерские позиции в мировой экономике и политике, роста его влияния в самых разных регионах. Складывается новая биполярность в международных отношениях, восприятие подъема Китая, как угрозы американским интересам, отражает признание этой страны серьезным конкурентом. Попытки затормозить подъем КНР, в том числе в сфере передовых технологий, выглядят как консервативная и не самая перспективная политика.

В предлагаемом обзоре рассматриваются хронология конфликта, его возможные причины и следствия, позиции сторон, а также воздействие на торговлю двух стран в 2018 г. Проблемы рассматриваются с учетом роли обеих стран в мировой экономике и технологическом соревновании.

Ключевые слова: США, КНР, торговый конфликт.

Для цитирования: Салицкий А. И., Семенова Н. К. США – Китай: анатомия торгового конфликта. *Восток (Oriens)*. 2019. № 4. С. 60–72. DOI: 10.31857/S086919080005960-3

USA – CHINA: ANATOMY OF A TRADE CONFLICT

© 2019

Alexander I. SALITSKY ^{a)}, Nelli K. SEMENOVA ^{b)},

^{a)} Institute of World Economy and International Relations, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0001-6134-768X, sal.55@mail.ru

^{b)} Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0001-7872-8972, semenovanelli-2011@mail.ru

Abstract: In 2017–2018, the United States initiated a trade conflict with China. By its scope, this conflict is an unprecedented event in the history of international trade, at least since the inception of the WTO. Quite logically the world media designated the conflict a «trade war», giving rise to numerous publications related to the US-China relations and their impact on the world economy and politics. The additional edge to these publications was caused by the incomplete clarity of Donald Trump administration's goals in the conflict with China, as well as the inconsistency of the individual steps taken by Washington. The main areas of concern for the United States were serious problems in ensuring the intellectual property rights in China, including trade secrets; large-scale use of industrial policies conducive to state-owned enterprises and «national champions», including a «security and control» policy for the information and communications sector; export restrictions, subsidies, unique national standards and investment restrictions; worryingly agrarian policies that block US market access; and, finally, the lack of transparency in the actions of China.

The policy of Beijing looked more predictable, although it also proved to be quite uncertain. Beijing's response to the protectionism of the American administration caused mass approval of the Chinese population, as well as the reaction of the business class of Chinese society, which appeared to be quite unambiguous.

The trade conflict reflects the deep-seated contradictions between the both parties, concerning China's leadership in the global economy and politics, and the growth of its influence in the most diverse regions. A new bipolarity in international relations is emerging; the perception of China's rise as a threat to American interests reflects the recognition of this country as a serious rival. The attempts to slow down the rise of the PRC, including its field of advanced technologies, look like a quite conservative and short-sighted policy.

The following review examines the chronology of the conflict, its possible causes and consequences, the positions of the parties, as well as its impact on the two countries' trade in 2018. The problems are viewed with consideration of the both countries' role in global economy and technological competition.

Keywords: USA, PRC, trade conflict, causes, effects.

For citation: Salitsky A. I., Semenova N. K. USA – China: Anatomy of a Trade Conflict. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 4. Pp. 60–72. DOI: 10.31857/S086919080005960-3

В связи с торговым конфликтом США и Китая в фокусе внимания аналитиков часто оказывается фигура Д. Трампа, который еще во время избирательной кампании обещал проведение жесткой торговой политики в отношении КНР с целью возвращения в США рабочих мест и обвинял предыдущие администрации в некомпетентности в китайском вопросе. Между тем Б. Обама также не брезговал увязкой проблемы занятости с китайским фактором. Зимой 2012 г., начав вторую избирательную кампанию, он, в частности, говорил о необходимости обуздать недобросовестные торговые практики Китая, восстановить рабочие места. Один из путей улучшения положения с занятостью тогдашний американский президент видел в репатриации американского капитала из Китая: «Все больше компаний приходят к инсорсингу и возвращают производство в США, издержки ведения бизнеса здесь уже не очень сильно отличаются от таких стран, как Китай». Незадолго до этого вице-президент Дж. Байден предъявил Си Цзиньпину, находившемуся в США с визитом в качестве заместителя председателя КНР, довольно длинный перечень

претензий – от кражи интеллектуальной собственности до нарушения прав человека и отказа поддержать санкции против Сирии [Cooper, 2012]. Хорошо известно и более позднее высказывание Б. Обамы (2015): «Мы не можем позволить странам вроде Китая писать правила глобальной экономики. Мы должны писать эти правила и открывать новые рынки для американской продукции» [Смирнов, 2015].

Есть в то же время значительные отличия позиции нынешней администрации США от предыдущей. Мирохозяйственные соображения в расчет особо не принимаются, на первый план выносятся ущерб, наносимый Китаем американской экономике – как в области занятости, так и в сфере технологий. Кроме того, формулировки официальных документов, касающиеся Китая, стали существенно более резкими.

Своего рода накопительным счетом претензий США в торгово-экономической сфере являются ежегодные доклады Конгрессу «О соблюдении Китаем норм ВТО», которые готовит аппарат Торгового представителя США. Первое, что обнаруживаешь, сравнивая тексты документов периода Обамы и Трампа, так это практически полное отсутствие в последних каких-либо положительных констатаций в отношении Китая. В первых они присутствовали в таких, например, формулировках: «правительство Китая предприняло много впечатляющих шагов по выполнению многочисленных обязательств, принятых при вступлении в ВТО», «есть позитивные сигналы того, что следующие руководители Китая признают, что продолжение реформ в интересах страны» [United States Trade..., 2012, p. 3–4].

Сравнительно корректными оставались и претензии: «Высокая доля госсектора в экономике, усугубляемая неконтролируемыми и произвольными действиями государственных регулирующих органов, вызывает трения со многими партнерами Китая, включая США» [United States Trade..., 2012, p. 2].

Отметим формулировку последнего доклада периода Обамы: «Решения третьего пленума ЦК КПК 18 созыва (2013 г.) провозгласили ряд далеко идущих реформ, констатируя ведущую роль рынка в распределении ресурсов» [United States Trade..., 2016, p. 4]¹. Основными сферами, вызывающими озабоченность США, согласно этому документу, оставались: серьезные проблемы с обеспечением в Китае прав интеллектуальной собственности, включая коммерческую тайну; проведение в широких масштабах промышленной политики, благоприятствующей государственным предприятиям и «национальным компаниям-лидерам», включая политику “безопасности и контроля” в отношении информационно-коммуникационного сектора; ограничения экспорта, субсидирование, уникальные национальные стандарты и инвестиционные ограничения; вызывающая беспокойство аграрная политика, блокирующая для США доступ на рынок; недостаточная прозрачность [United States Trade..., 2016, p. 4].

Первый доклад Торгового представителя США² «О соблюдении Китаем норм ВТО», подготовленный при Трампе, повторяя в основном претензии предыдущих докладов, существенно сгущает краски. Его формулировки говорят сами за себя: «Похоже, США ошиблись, поддержав вступление Китая в ВТО на условиях, которые оказались неэффективными для осуществления этой страной открытого, ориентированного на рынок торгового режима» [United States Trade..., 2017, p. 2]; «теперь ясно, что одних правил ВТО недостаточно, чтобы ограничить деформации рынка, вызываемые поведением Китая»; «США предпримут все прочие меры, необходимые для обуздания осуществляемой Китаем вредоносной, ведомой государством меркантилистской политики и практики, пусть даже эти меры прямо и не вписываются в правила ВТО» [United States Trade..., 2017, p. 2].

¹ Авторы доклады не совсем точны, такая формулировка присутствовала еще в материалах XVII съезда КПК в 2007 г.

² В январе 2017 г. на эту должность был назначен Роберт Лайтхайзер, считающийся «китайским ястребом».

Весьма жесткая формулировка содержится и в комментарии к докладу, касающемуся встречи Д. Трампа и Си Цзиньпина в Пекине в ноябре 2017 г.: «В ноябре 2017 года на встрече президентов в Пекине американская сторона объяснила, что более не заинтересована в двусторонних форматах³, которые принесли лишь частичный прогресс по проблемным китайским барьерам в отношении торговли и инвестиций. Вместо этого США дали понять, что хотят видеть фундаментальные изменения в торговом режиме Китая, включая всеобъемлющую промышленную политику, которая доминирует в ведомой государством экономике, ... создавая тысячами способов серьезнейшие и намеренные затруднения для предпринимателей США и других зарубежных стран» [United States Trade..., 2017, p. 8].

Это своеобразное объявление торговой войны было закреплено в Национальной стратегии безопасности США, принятой в декабре 2017 г. В ней среди прочего к Китаю был прикреплен ярлык страны, занимающейся недобросовестной коммерческой практикой [National Security..., 2017, p. 2, 17, 19, 41, 47, 48]. Кроме того, Китай был зачислен в число противников, которые «крадут и используют нашу интеллектуальную собственность и личные данные, вмешиваются в политические процессы в нашей стране, сделали мишенью наш авиационный и морской сектор, подвергают риску нашу критически важную инфраструктуру» [National Security..., 2017, p. 7]. Упомянуты китайские торговцы фентанилом [National Security..., 2017, p. 12], явно Китаю адресованы упреки в экономической агрессии [National Security..., 2017, p. 17, 19–20], а также следующий пассаж: «Десятилетиями США допускали рост недобросовестных торговых практик. Другие страны для получения экономических преимуществ использовали демпинг, дискриминационные нетарифные барьеры, принуждение к передаче технологий, избыточные мощности, промышленные субсидии и прочие виды поддержки правительства и государственных предприятий» [National Security..., 2017, p. 19]. Выдвинуто, например, и такое обвинение: «Каждый год конкуренты, такие как Китай, крадут интеллектуальную собственность США на сотни миллиардов долларов». Инструментом подобного воровства признаны даже студенты, обучающиеся в США, поскольку «средством военной модернизации и экономической экспансии Китая был доступ к инновационной экономике США, включая первоклассные американские университеты» [National Security..., 2017, p. 21, 22, 25].

Еще в 2008 г. в США был сделан вывод о том, что повестка дня Китая поддерживает-ся на очень высоком уровне, почти по всем направлениям в корпоративной Америке. «Китай оказывает все большее влияние в политике США через различные аналитические центры и лоббистские группы, академические круги, университетские исследования и средства массовой информации» [Fingleton, 2009].

Датой объявления торговой войны Китаю, впрочем, можно считать и более раннюю дату – 14 августа 2017 г. В тот день Д. Трамп направил Торговому представителю США поручение расследовать законы, политику и практики Китая в отношении передачи технологий и интеллектуальной собственности США китайским предприятиям – в соответствии с Законом о торговле США 1974 г. (раздел 301).

Спустя полгода, в марте 2018 г., результаты расследования были опубликованы, они гласили, что политика Китая подпадает под действие указанного выше закона [United States Trade..., 2018]. В частности, констатировалось, что КНР использует различные меры для оказания давления на компании США и получения от них передовых технологий,

³ Имеется в виду Американско-Китайский всеобъемлющий экономический диалог (U.S. – China Comprehensive Economic Dialogue, CED), заменивший в апреле 2017 г. по итогам визита Си Цзиньпина в США два других формата – Американско-Китайскую совместную комиссию по коммерции и торговле (U.S.-China Joint Commission on Commerce and Trade, JCCT) и Американско-Китайский стратегический и экономический диалог (U.S. – China Strategic and Economic Dialogue, S&ED).

в том числе путем зарубежных инвестиций и приобретения американских компаний и их интеллектуальной собственности. Критиковались как антирыночные планы научно-технического развития, в особенности программа «Создано в Китае-2025», принятая в 2015 г. и содержащая установки в области замещения импорта и выхода на мировой рынок в передовых технологиях. Кроме того, указывалось, что Китай осуществляет взлом компьютерных сетей и кражи коммерческой информации.

Можно сказать, что весной 2018 г. завершилось оформление Китая в качестве экономического агрессора [*Remarks by President...*, 2018]. Выводы расследования Торгового представителя были использованы как основания для принятия президентом решений о введении дополнительных пошлин на импорт из КНР⁴, их предварительный объем в начале апреля анонсировался в 50 млрд долл.

Примечательно, что еще в 1999 г. в Китае были описаны «невоенные военные операции» США в отношении Китая. «Торговая война... сегодня действительно стала инструментом в руках многих стран для ведения невоенной войны. Она может быть использована с особенно большим мастерством в руках американцев, которые усовершенствовали ее до состояния высокого искусства. Некоторые из используемых средств включают: использование законодательства о внутренней торговле на международной арене; произвольное возведение и демонтаж тарифных барьеров; применение поспешных письменных торговых санкций; введение эмбарго на экспорт важнейших технологий; использование специального раздела 301 закона; и применение режима наибольшего благоприятствования и т. д. Любое из этих средств может иметь разрушительный эффект, равный эффекту военной операции» [Qiao Liang, Wang Xiangsui, 1999, p. 48].

Подводя итог, заметим, что в немалой мере новый китайский курс США опирается на работы и деятельность Питера Наварро, советника в предвыборной кампании Д. Трампа, назначенного затем на пост директора специально учрежденного органа – Совета по торговле и промышленности. П. Наварро – один из авторов книги «Смерть от Китая» (2011 г.) и одноименного документального фильма (2012 г.) [Наварро, Отри, 2017] (в этих произведениях негативное воздействие Китая на американскую экономику и занятость явно преувеличивается). Инициирование торгового конфликта с Китаем имело для американского президента важное внутривластное значение, поскольку во время предвыборной кампании он многократно использовал тезис о китайской экономической угрозе и необходимости жестко на нее отвечать.

ХОД КОНФЛИКТА

Одним из первых практических шагов в развязывании торгового конфликта было объявление Трампа в январе 2018 г. о введении пошлин на стиральные машины (20%) и солнечные батареи (30%). Интересы китайских производителей затронуло и повышение ввозных тарифов на сталь (25%) и алюминий (10%) в марте 2018 г. На первый случай Китай отреагировал подачей жалобы в ВТО в августе, на второй – введением в апреле временных ответных пошлин. Повышение тарифов коснулось американских фруктов, сухофруктов и орехов, вина, этанола, стальных труб, свинины, алюминиевого лома и других товаров на сумму около 3 млрд долл. (примерно столько же составляют поставки китайской стали и алюминия в США).

В апреле 2018 г. США ввели повторные, весьма жесткие санкции против китайской корпорации ZTE (в 2017 г. компания уже подвергалась санкциям за поставки оборудова-

⁴ Кроме повышения пошлин, США инициировали спор в ВТО о дискриминационных практиках Китая в области лицензирования технологий, а также объявили о подготовке ограничений на участие китайских компаний в капитале американских организаций.

ния, использующего американские технологии, в Иран и КНДР). Ей запретили закупать продукцию американских технологических компаний в течение семи лет, а также ограничили продажи ее смартфонов и сетевого оборудования на территории США. В начале мая ZTE официально объявила об остановке основных операций из-за санкций. Летом санкции были сняты, но компании пришлось согласиться на штраф в размере 1 млрд долл. и другие уступки.

В мае 2018 г. в Вашингтоне состоялись консультации сторон. Китай представлял член Политбюро ЦК КПК, заместитель председателя Госсовета КНР Лю Хэ, с американской стороны присутствовали Р. Лайтхайзер, П. Наварро и министр торговли У. Росс. Переговоры оказались не очень результативными, и их было решено продолжить, но уже 29 мая Трамп объявил о введении дополнительных 25-процентных тарифов на импорт из КНР в объеме 50 млрд долл.

Первая порция этих тарифов, на поставки на сумму примерно в 34 млрд долл., вступила в действие 6 июля. Китай в тот же день ответил зеркальным по стоимости и размеру тарифа повышением пошлин на американские товары, а также дополнением к своему запросу в ВТО от 4 апреля по поводу расследования действий Торгового представителя США⁵. 23 августа США ввели в действие вторую порцию тарифов в отношении импорта из КНР на сумму в 16 млрд долл. Китай и на этот раз ответил симметрично. В целом в китайском экспорте пострадали в основном высокотехнологичные позиции, в американском – автомобили, сельскохозяйственная продукция (соевые бобы), рыба и морепродукты.

Летом 2018 г. продолжилось документальное наступление на КНР. В июне вышел очередной доклад администрации президента, в котором, в частности, констатировалось, что, «принимая в расчет размеры экономики и масштабы антирыночной политики Китая, его экономическая агрессия теперь угрожает не только хозяйству США, но и мировой экономике в целом» [*How China's...*, 2018, p. 1]. В докладе повторены и усилены основные тезисы расследования Торгового представителя, а также собраны оценки разведывательных и оборонных ведомств США относительно фактов и масштабов китайского экономического шпионажа, киберпреступлений и т.п.

В июне 2018 г. был опубликован Обзор торговой политики Китая, представленный в ВТО. В нем, в частности, отмечалось, что Китай продолжает оставаться на начальной стадии социализма и является крупной развивающейся страной, следующей по пути всестороннего открытия экономики [*Trade Policy...*, 2018]⁶. В документе сделан упор на поддержке глобализации, мерах либерализации внешней торговли и инвестиционного режима, усилении охраны интеллектуальной собственности, поддержки зарубежных инвестиций и т.п. Лишь мельком в докладе упомянута глубокая озабоченность Китая по поводу «односторонних и протекционистских действий одного из членов ВТО, который открыто нарушает фундаментальные принципы и дух организации» [*Trade Policy...*, 2018, p. 14].

Ответные симметричные меры Пекина способствовали дальнейшей эскалации конфликта. В августе 2018 г. были анонсированы, а с 24 сентября введены в действие 10-процентные дополнительные пошлины на товары, импортируемые из КНР, еще на 200 млрд долл. В случае введения Китаем ответных мер администрация Трампа пригрозила увеличением тарифов до 25% с 1 января 2019 г. Китайский ответ на этот раз не был

⁵ По мнению Китая, установление тарифов, вытекающих из расследования по разделу 301 Закона о торговле 1974 г., нарушает принцип РНБ ВТО, связанные тарифные ставки США и статью 23 Соглашения ВТО об урегулировании споров.

⁶ Эти обзоры правительства КНР предваряют более подробные обзоры торговой политики, которые делает секретариат ВТО, в случае Китая они производятся раз в два года. Обзор секретариата 2018 г. см.: URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/tptr_e/s375_e.pdf (Дата обращения: 20.07.2018).

зеркальным: тарифы на импорт из США затронули позиции стоимостью 60 млрд долл., дополнительные ставки тарифа варьировали от 5 до 10%.

24 сентября Госсовет опубликовал первый документ, посвященный торговому конфликту с США [The Facts..., 2018]. Его первая часть выдержана в относительно нейтральных тонах и в основном посвящена двустороннему экономическому взаимодействию, его структуре, а также характеристике мер по открытию рынка Китая для зарубежных предпринимателей. Отмечается, в частности, важная роль китайского рынка для ряда отраслей хозяйства США. Так, в 2017 г. он поглотил 57% американского экспорта соевых бобов, 25% продукции «Боинг», 20% вывоза американских автомобилей, 17% экспорта хлопка и т. д. [The Facts..., 2018, р. 7]. Подчеркнуто значение Китая для экспорта услуг из США и их значительный доход от туризма, образовательных и медицинских услуг, оказываемых гражданам КНР (51 млрд долл. в 2017 г. [The Facts..., 2018, р. 11]).

Приводятся данные по накопленным прямым инвестициям двух стран в экономику партнера: на конец 2017 г. американские капиталовложения составили 83 млрд долл., а китайские – 67 млрд долл. [The Facts..., 2018, р. 12]. Подробно описаны выгоды от сотрудничества с Китаем, которые получают американские корпорации и потребители, а также хозяйство США в целом. Сравнивается уровень тарифной защиты рынков отдельных стран (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Средневзвешенные ставки импортных тарифов, %

	Все товары	Агропродукция	Прочие товары
Япония	2.1	11.1	1.2
США	2.4	3.8	2.3
ЕС	3.0	7.8	2.6
Австралия	4.0	2.4	4.1
Китай	4.4	9.7	4.0
Республика Корея	6.9	55.4	4.0
Индонезия	6.8	7.8	6.7
Индия	7.6	38.0	5.6

Источник: WTO database.

В документе дефицит США в товарной торговле с КНР характеризуется как структурное и устойчивое явление, показано, что он компенсируется значительными продажами американских компаний, работающих в Китае, на местном рынке [The Facts..., 2018, р. 19–20].

Вторая часть документа носит критический характер и посвящена протекционистским мерам американской администрации, барьерам и дискриминации, с которыми сталкиваются в США китайские предприниматели и инвесторы. Иллюстрируется отход администрации от норм ВТО в вопросе о честной торговле и взаимности, отражаются обвинения в адрес Китая в принуждении к передаче технологий и нарушении прав интеллектуальной собственности. Показан прогресс Китая в области защиты прав интеллектуальной собственности, равно как и в либерализации инвестиционного климата. Критикуется одностороннее возбуждение торговых конфликтов и наложение санкций на другие страны на основе внутренних законов, политизация торгово-экономических связей [The Facts..., 2018, р. 56–57]. Меры администрации Трампа сравниваются с законом Смута-Хаули 1930 г. Осуждается летнее введение пошлин на импорт из КНР – вразрез с договоренностями между сторонами, достигнутыми в мае 2018 г. [The Facts..., 2018, р. 60–61].

Еще одним шагом в обострении конфликта стал выход в ноябре 2018 г. документа Торгового представителя США. В нем, в частности, констатировалось, что «Китай не внес фундаментальных изменений в свою недобросовестную, необоснованную и антирыночную политику и практику» [United States Trade..., 2018, p. 6].

Можно сказать, что к концу ноября конфликт достиг апогея. Поэтому встреча на высшем уровне в начале декабря в Аргентине на форуме G-20 закономерно подвела стороны к началу переговоров. Было решено провести их в 90-дневный срок, на этот срок (до 2 марта 2019 г.) замораживалось повышение американских тарифов на импорт китайских товаров объемом 200 млрд долл. до 25%.

Во время переговоров давление США на Китай продолжилось. Под огонь американских санкций попала китайская компания «Хуавэй», в частности ее топ-менеджер Мэн Ваньчжоу. Известный американский экономист Джеффри Сакс назвал санкции против «Хуавэй» составной частью «экономической войны против Китая, и войны опротивевшей» [*Против Huawei...*]. Жесткий тон сохранился и в ежегодном докладе «О соблюдении Китаем норм ВТО», вышедшем в январе 2019 г. [United States Trade..., 2019]. Другим было поведение Китая: с началом переговоров в декабре 2018 г. китайская компания SOFCO Group возобновила крупные закупки соевых бобов в США. Экспорт соевых бобов из США в КНР в 2018 г. сократился наполовину – до 16.6 млн т. Введение ограничений на импорт этого товара в ноябре 2018 г. критиковалось главным переговорщиком Китая при вступлении в ВТО Лун Юнту [Tang, 2018].

В начале марта 2019 г. было решено продолжить переговоры: в результате восьми предшествовавших раундов стороны приблизились к заключению пакета соглашений.

СЛЕДСТВИЕ КОНФЛИКТА

Обобщенные статистические данные о внешней торговле КНР товарами и услугами (табл. 2) показывают важную тенденцию: темпы роста товарного импорта в последние годы превышали темпы роста экспорта, в результате положительное сальдо торгового баланса неуклонно снижалось. Одновременно быстро рос пассив в торговле услугами, и в результате традиционно значительное активное сальдо баланса по текущим операциям (приведшее к образованию впечатляющих валютных резервов) снизилось до относительно небольшой величины.

Т а б л и ц а 2

Торговля КНР товарами и сальдо торговли услугами в 2015–2018 гг., млрд долл.

	2015	2016	2017	2018
Экспорт КНР	2 273	2 098	2 263	2 487
Импорт КНР	1 680	1 588	1 844	2 136
Торговый актив КНР	593	510	420	351
Сальдо торговли услугами	–218	–233	–265	–300

Составлено по данным таможи и органа валютного контроля КНР.

Это обстоятельство заставляет Китай особенно дорожить внешними рынками сбыта, среди которых рынок США занимает видное место (табл. 3, 4). Более того, значение этого рынка как источника активного сальдо во внешней торговле имеет тенденцию к росту, а в 2018 г. активное сальдо в торговле товарами с США превысило общее активное сальдо внешнеторгового баланса Китая.

Т а б л и ц а 3

Торговля КНР с США в 2015–2018 гг., млрд долл.

	2015	2016	2017	2018
Импорт США	482	463	505	562
Импорт КНР	149	134	154	155
Актив торгового баланса КНР	333	329	351	407

Составлено по данным таможен Китая и США.

Т а б л и ц а 4

Доля США во внешней торговле КНР в 2003–2018 гг., млрд долл.

	2003	2016	2018
Экспорт КНР	21.1	22.1	22.6
Импорт КНР	8.2	8.4	7.3

Составлено по данным таможи КНР.

Отметим, что торговля услугами между двумя странами складывается со значительным и растущим активным сальдо у США. В 2017 г. оно составило рекордную величину – более 40 млрд долл. (57 млрд долл. достиг экспорт США), опережающими темпами при этом рос доход от экспорта интеллектуальной собственности [The People's..., 2019].

Т а б л и ц а 5

Темпы прироста экспорта КНР в США в 2018 г., %.

4 месяца	6 месяцев	8 месяцев	12 месяцев
13.9	13.6	13.4	11.3

Составлено по данным таможи КНР.

Т а б л и ц а 6

Сокращение торговли КНР с США в 2018–2019 гг., в годовом исчислении, %.

	Декабрь 2018	Январь 2019	Январь – февраль 2019	Март 2019
Экспорт КНР	3.6	2.4	14.1	
Импорт КНР	35.8	41.2	35.1	

Составлено по данным таможи КНР.

Как видно из приведенных выше данных, дополнительные импортные тарифы США на импорт из Китая не оказали на него значительного негативного воздействия, если иметь в виду годовой показатель в целом. Лишь в четвертом квартале года, когда начал ощущаться эффект от 200-миллиардной порции пошлин, введенных в сентябре, произошло снижение темпов прироста китайского экспорта, а в декабре 2018 г. – его первое сокращение по сравнению с показателем предыдущего года (табл. 5, 6). В январе и особенно в феврале 2019 г. сокращение китайского экспорта в США оказалось уже весьма чувствительным⁷.

При этом экспорт США в КНР в относительном выражении пострадал куда более значительно: годовой показатель практически не изменился по сравнению с предыдущим годом, а сокращение американского экспорта на рубеже 2018–2019 гг. оказалось довольно болезненным. Можно сказать, что в результате торгового конфликта США упускают возможности на одном из самых перспективных мировых рынков.

⁷ В январе – феврале 2019 г. экспорт КНР в целом снизился на 4.6%, импорт – на 3.1%.

Важно иметь в виду, что композиционно экспорт Китая в США в немалой степени состоит из товаров, произведенных в КНР при участии зарубежного капитала: на них приходится почти 60% вывоза на этом направлении⁸. Около 12% потока товаров из Китая в США производят сами американские корпорации, остальной «пирог» поделен в основном между компаниями Тайваня, Японии, Гонконга (КНР), Республики Кореи и Германии – как правило, с их китайскими партнерами по совместным предприятиям. Соответственно от снижения экспорта Китая в США страдают интересы всех этих поставщиков.

Зачастую кооперационные схемы используют импортные узлы (на американском направлении китайского экспорта их доля сравнительно высока), но в целом их удельный вес во внешней торговле Китая имеет тенденцию к снижению, поскольку местная промышленность в растущей мере оказывается в состоянии их заменить (табл. 7). Торговый конфликт с США, несомненно, усилит стремление Китая к самообеспеченности, призыв к усилению опоры на собственные силы уже прозвучал из уст Си Цзиньпина во время его поездки в провинцию Гуандун в октябре 2018 г. [He Huifeng, 2018].

Т а б л и ц а 7

Поручительская переработка и сборка во внешней торговле КНР, %.

Год	Экспорт	Импорт	Экспорт/Импорт
1995	50	44	126
2003	55	39	148
2017	33	23	176

Составлено по данным Статистического управления КНР.

Вслед за усилением способностей Китая к замещению импорта наблюдался и рост доли частного капитала во внешней торговле: он уверенно вытеснял предприятия госсектора и отчасти – иностранных участников (табл. 8, 9). По-видимому, правомерно говорить об усилении конкуренции, которую встречают на китайском рынке иностранные компании, – но не столько со стороны госсектора, сколько со стороны местного частного капитала. Именно он, в том числе малые и средние предприятия в прибрежных провинциях, несет основные потери от сокращения сбыта в США [Xie Yu, 2018].

Т а б л и ц а 8

Доля предприятий различных форм собственности в экспорте КНР, %

Год	Государственные	С иностранным участием	Прочие
1996	50	47	3
2014	11	46	43
2018	10	42	48

Составлено по данным таможи КНР.

Т а б л и ц а 9

Доля предприятий различных форм собственности в импорте КНР, %

Год	Государственные	С иностранным участием	Прочие
1996	45	54	1
2014	25	46	29
2018	26	44	30

Составлено по данным таможи КНР.

⁸ Около 77 млрд долл. китайского экспорта в США приходится на компьютеры, 70 млрд – на смартфоны, 54 млрд долл. – на одежду и обувь.

Данные о внешней торговле двух стран, заметим, не учитывают продаж на внутренних рынках, осуществляемых филиалами страны-партнера. Между тем объем продукции, производимой американскими компаниями в Китае и продаваемой на местном рынке, вполне сопоставим с размером дефицита США в торговле с КНР. По некоторым оценкам, такие продажи составляют около 250 млрд долл. в год, кроме того, не менее 30 млрд долл. приходится на услуги, которые оказывают местным потребителям американские компании, работающие в Китае [Lardy, 2019]. Только у «Дженерал Моторс» в Китае 10 совместных предприятий, которые обеспечивают 40% всего мирового объема производства корпорации [The Facts..., 2018, p. 15]. У китайских компаний, работающих в США, эти показатели на порядок скромнее. Поэтому одним из следствий торгового конфликта с США может стать болезненное для американского бизнеса ухудшение условий работы в Китае. Понятно, что интересы компаний США, прочно встроенных в экономику КНР, ставят определенные ограничения перед сторонниками жесткого подхода к Китаю, которых много в обеих партиях и силовых ведомствах.

Т а б л и ц а 10

Прямые зарубежные инвестиции КНР в 2016–2018 гг., млрд долл.

	2016	2017	2018
Всего	196	125	130
США	47	29	5
Европа	47	80	23

Данные Министерства коммерции КНР.

Американо-китайский торговый конфликт ухудшает общий климат взаимных отношений и уже крайне негативно сказался на прямых инвестициях КНР в экономику США (табл. 10). В сентябре 2018 г., реагируя на новую порцию тарифов США на китайский импорт, основатель Alibaba Джек Ма отозвал свое обещание создать в США один миллион рабочих мест к 2021 г. [Alibaba's..., 2018].

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Можно сказать, что в ходе предвыборной кампании Д. Трамп сумел сыграть на негативных чувствах в отношении Китая у значительной части электората. В результате подготовку и осуществление протекционистских мер удалось представить как своего рода отражение экономической агрессии со стороны беспринципного хищника, этот стереотип в общественном мнении продолжает утверждаться. Так, по данным Pew Global Research, в ноябре 2018 г. лишь 38% американцев благожелательно относились к Китаю – против 44% за год до этого [Landler, 2018].

Меры Пекина в ответ на протекционизм американской администрации вызвали массовое одобрение населения, достаточно однозначной была и реакция предпринимательских кругов китайского общества. Летом 2018 г. в Китае поднялся настоящий вихрь антиамериканских настроений, который власти поторопились остановить, в том числе путем цензурных ограничений. Одна из редакционных статей Global Times призывала не преувеличивать масштабы конфликта и при этом готовиться к продолжительной борьбе, в которой у Китая есть преимущества [China's advantages..., 2018].

Учитывая фактическое начало очередной предвыборной гонки в США, можно предположить, что конфликт в открытых и скрытых формах продолжится – при явном стремлении Пекина его ограничить. По этой причине эскалация конфликта маловероятна.

Суть дела в том, что торговый конфликт отражает глубинные противоречия между сторонами по поводу выхода Китая на лидерские позиции в мировой экономике и политике, роста его влияния в самых разных регионах [Pillsbury, 2016]. Складывается новая биполярность в международных отношениях [Yan Xuetong, 2013], восприятие подъема Китая как угрозы американским интересам отражает признание этой страны серьезным конкурентом. Но попытки затормозить подъем КНР, в том числе в сфере передовых технологий, выглядят как консервативная и не самая перспективная политика. У Китая достаточно шансов продолжить подъем на базе внутренних ресурсов, а внешнее давление легко использовать для целей внутренней консолидации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Наварро П. У, Отри Г. У. *Смерть от Китая. Лицом к лицу с драконом*. Перевод, научная редакция Е. Н. Румянцева. М.: Синосфера, 2017 [Navarro P. U., Autr G. U. *Death by China: Confronting the Dragon*. Translation, scientific editorship of E. N. Rumyantsev. Moscow: Sinosfera, 2017 (in Russian)].

Против Huawei охотятся «пять глаз» разведслужб англосаксов [«Aive eyes» of the Anglo-Saxon intelligence services hunt Huawei (in Russian)]. URL: https://news.rambler.ru/other/41464695/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (Дата обращения: 05.08.2019).

Смирнов С. *США создали крупнейший в мире торговый союз* [Smirnov S. *United States created the world's largest trade union* (in Russian)]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2015/10/05/611498-ssha-sozdali-krupneishii-torgovii-soyuz> (дата обращения: 05.08.2019).

Alibaba's Jack Ma says trade war ends 1 million US jobs promise. URL: <https://www.thestar.com.my/business/business-news/2018/09/20/alibaba-jack-ma-says-us-china-trade-war-ends-1-mln-us-jobs-promise/> (accessed: 05.08.2019).

China's advantages in a protracted trade war. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1110911.shtml> (accessed: 05.08.2019).

Cooper H. *President Visits Wisconsin Factory to Hail «Insourcing» Plan*. URL: <https://www.nytimes.com/2012/02/16/us/politics/obama-hails-insourcing-at-wisconsin-factory.html> (accessed: 05.08.2019).

Fingleton E. *In the Jaws of the Dragon: American's Fate in the Coming Era of Chinese Hegemony*. New York: St. Martin's Griffin, 2009.

He Huifeng. *Xi Jinping urges China to become more self-reliant during tour of southern manufacturing hub*. Published: 12:45pm, 23 Oct, 2018. URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/2169779/xi-jinping-urges-china-become-more-self-reliant-tour-southern> (accessed: 05.08.2019).

How China's Economic Aggression Threatens the Technologies and Intellectual Property of the United States and the World. White House Office of Trade and Manufacturing Policy. June 2018.

Landler M. *The U.S. adopts a hard line against China, and an era of engagement recedes into the past*. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2018/11/25/world/asia/china-us-confrontation.html> (accessed: 05.08.2019).

Lardy N. R. *China's Weapons in a Trade War Are Formidable*. URL: <https://piie.com/blogs/trade-investment-policy-watch/chinas-weapons-trade-war-are-formidable> (accessed: 05.08.2019).

National Security Strategy. December 2017.

Pillsbury M. *The Hundred Year Marathon: China's Secret Strategy to Replace America as the Global Superpower*. New York: St. Martin's Griffin, 2016.

Qiao Liang, Wang Xiangsui. *Unrestricted Warfare*. Beijing: PLA Literature and Arts Publishing House, 1999.

Remarks by President Trump at Signing of a Presidential Memorandum Targeting China's Economic Aggression. Issued on: March 22, 2018. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-signing-presidential-memorandum-targeting-chinas-economic-aggression/> (accessed: 05.08.2019).

Tang F. *China's former chief trade negotiator criticises Beijing's 'unwise' tactics in US tariff war*. Published: 2:34pm, 18 Nov, 2018 URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/2173779/chinas-former-chief-trade-negotiator-criticises-beijings> (accessed: 05.08.2019).

The Facts and China's Position on China-US Trade Friction. Information Office of the State Council. The People's Republic of China. September 2018. URL: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2018/09/26/content_281476319220196.htm (accessed: 05.08.2019)

The People's Republic of China. *U.S. – China Trade Facts*. URL: <https://ustr.gov/countries-regions/china-mongolia-taiwan/peoples-republic-china> (accessed: 05.08.2019).

Trade Policy Review. Report by China. 06.06.2018. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/tptr_e/g375_e.pdf (accessed: 05.08.2019).

United States Trade Representative. *2012 Report to Congress on China's WTO Compliance*. December 2012.

United States Trade Representative. *2016 Report to Congress on China's WTO Compliance*. January 2017.

United States Trade Representative. *2017 Report to Congress on China's WTO Compliance*. January 2018.

United States Trade Representative. *Section 301 Findings on the Investigation into China's Acts, Practices, and Policies Related to Technology Transfer, Intellectual Property, and Innovation*. March 2018.

United States Trade Representative. *Update Concerning China's Acts, Policies and Practices Related to Technology Transfer, Intellectual Property, and Innovation*. November 2018.

United States Trade Representative. *2018 Report to Congress on China's WTO Compliance*. January 2019.

Xie Yu. *Perfect storm of trade war, higher costs threatens survival of China's small export businesses*. 14.09.2018. URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/2164115/perfect-storm-trade-war-higher-costs-threatens-survival-chinas> (accessed: 05.08.2019).

Yan Xuetong. *Inertia of History: China and the World in the Next Ten Years*. Beijing: China CITIC Press, July 2013.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

САЛИЦКИЙ Александр Игоревич – доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия.

Alexander I. SALITSKY – Dr.Sc. (Economics), Chief Researcher, Institute of World Economy and International Relations, Moscow, Russia.

СЕМЕНОВА Нелли Кимовна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Nelli K. SEMENOVA – PhD (Political Science), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia.